Деревня Тхарница - Минская область, Логойский район.
(Острошицкий сельский совет)

Накануне войны количество: дворов - 18, населения - 43.
Количество уничтоженных: дворов - 18, населения - 43.
(Согласно книге « Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии» 1941-1944, Минск, «Беларусь» 1984)

Деревня Тхарница была сожжена 30 мая 1943 года в ходе карательной акции.
После войны не восстановлена.

Воспоминания о д. Тхарница Логойского района Минской области.

Свидетели рассказывают:

Александр Сергеевич Матусевич, 1930 г.р, г. Минск :
«События развивались по нашей деревне таким образом: двоюродный брат отца, мой дядя, Алесь Матусевич, бывший журналист, он после войны возглавлял союз журналистов Республики Беларусь, работал в газете «Звязда», во время войны остался в Минске и его пригласили работать в немецкой газете. Издавалась газета немцами с материалами, компрометирующими Советскую власть и расхваливавшими немецкую. Ему это не понравилось и потому он связался с партизанами через нашу деревню, там были такие возможности и получил задание убить редактора газеты Козловского, но тогда был убит Акинчиц.
Немцы проводили следствие и выяснили, что в составе группы партизан был бывший работник газеты Алесь Матусевич, которого узнал Козловский и открыл ему дверь. Но тогда немцы не предприняли никаких карательных акций, это все произошло уже в конце мая.

Первый раз каратели явились 28 мая 1943 года, это была пятница, 5 часов вечера, я это очень хорошо помню. Окружили деревню, а в это время полевые работы были и половина крестьян работали на полях. Они посмотрели, что мало людей в деревне, понабрали яиц, курей, свиней, погрузили в машины и уехали. Из Острошицкого Городка полицаи были и немцы, может из Минска они были. Они уехали, переполох в деревне был страшнейший, потому что перед этим палили другие деревни. Страх так обуял, что все собрались и с пятницы на субботу ночевали в лесу. Лес там недалеко был , метров 500-800 в сторону деревни Веснино. Все ночевали в лесу, никого дома не было. В Острошицком Городке служил знакомый полицай, к нему послали в разведку людей. Пошли они туда, переговорили они с полицаем этим, он сказал - все нормально, не бойтесь, возвращайтесь и ничего с вами не будет. И с субботы на воскресенье все вернулись назад домой. 29 числа мы вернулись в свои дома. В деревне было 18 домов. Жители не все были дома, многие разъехались, некоторых немцы позабирали, в частности брата моего забрали в Минск , он в Степянке рыл окопы, траншеи рыл. Он потом в партизанах был, в отряде Казанцева.

Наш дом стоял последний, ближе к лесу. Наша семья – отец , мать, сестра Лида, брат Гена и я.
Лошадей, как обычно раньше было, ночью держали на пастбище и дежурили возле них. И я в том числе был дежурный в ту ночь от нашей семьи, там человека четыре нас было. Утром я пришел где то часа в три домой, лег спать и вдруг где то в часов пять – полпятого мать кричит. Она подготовила яичницу, спекла и на столе поставила - потом после пожара все это было видно. Отец с сестрой Лидой пошли в пуню готовить для коровы сечку и еще что то делать, и вдруг оглянулись и увидели, что с противоположной стороны немцы идут, а там возле деревни речушка была и за речушкой гора, которая выходит к деревне Бродок, а немцы с Острошицкого Городка через эту гору, через Бродок, приехали и сразу рассыпались по этой горе вдоль деревни всей, установили пулеметы там в нужных местах. И тут уже люди увидели немцев и кто мог - стали убегать. Женщина с коровой была около леса и она с коровой в лес убежала, Ганна ее звали. Она корову рано выгнала, вот ведь какое то чутье было, и она спаслась. Отец с сестрой увидели, что немцы идут- они сразу с этой пуни и тоже в лес.

А мать меня подняла: сынок , беги, немцы идут. Я кожушок на плечи и в калитку через огород и вдоль этой речушки побежал, а они спускаются наперерез - метров шестьдесят они от меня были. У них была команда по одиночкам не стрелять, если бы они выстрелили, вся деревня побежала бы, но это потом полицаи рассказали.
За мной шел Петя, он из России, бывший военный, оказался в окружении, познакомился с моей сестрой Лидой и остался в деревне.
Он жил у нас на правах члена семьи, его фамалия Рассохин, Петр Рассохин.
Получилось так, что когда мать сказала: сынок ты не беги, потому, что стрелять будут, и знаете я все таки побежал, а он услышал это и не стал бежать и пошел пешью и я видел как они его захватили. А я побежал вдоль этой речки и прибежал в деревню Ключники - там жил мой дядя родной, Володя, дед, бабушка по материнской линии. Вот я прибежал туда- там сразу поднялся шум в деревне и все жители убежали в лес. А мне сказали: иди в деревню Корбачевка- там жила моя родная тетка Наташа. В этой деревне постоянно бывали партизаны и тетка была с ними связана. Я пришел к ним, возле стенки дома сел, через речку там расстояние километра два до деревни, смотрю клубы дыма с нашей деревни, запалили все. Вот тогда увидела тетка дым и вся деревня Корбачевка и Метличино и Веснино- все удрали в лес.
К вечеру нашелся отец с сестрой и мы с отцом вечером часов в шесть пошли в деревню. В мае светло было, первый дом наш был, мы к нему подошли - камины стояли как в Хатыни сейчас, все дымилось еще. Никого нет нигде, стол на котором стояла сковорода с яичницей, которую мать мне приготовила, сгорел и сковорода опустилась и стояла там на полу.
Пошли дальше, когда подошли к колхозному сараю, это посреди деревни- запах гари пошел. Когда подошли ближе – там уже увидели, что трупы горят.
У нас был закопан ящик, в котором прятали все от немцев и от бандитов, которые под партизан маскировались. Взяли вилы, лопату и пошли искать останки родных. Нашли мать по черепу и под левой мышкой у нее обнаружили несгоревший кусочек платья, такое бархатное у нее было, в горошек. Потом нашли деда, бабу и Ивана, родного брата отца, он был музыкант, играл на скрипке. Они жили вместе –дед, баба, Иван с женой Марьей и двое детей – мальчик и девочка.
В простыни положили погорелые кости и черепа и понесли хоронить. Там березничек был метров двести от этого места. А рядом с этим сараем был когда то погреб колхозный большой, заросший бурьяном, метра четыре наверное глубиной. Так вот когда мы шли, вдруг из кустарника выглядывает голова женщины вся в крови, волосы в крови- это была тетка Марья, жена Ивана. Когда мы подошли к ней, она заговорила с нами. Я быстро побежал в Метличино, там ее родители жили, они организовали повозку, чтобы перевезти

ее в партизанский отряд. Ее не смогли везти на повозке потому, что очень трясло, она была ранена в голову, рана была очень тяжелая. Сделали из двух шестов и простыни носилки и несли ее. С трудом ее доставили в отряд, и в партизанах ее вылечили. В партизанском отряде был хирург, он сделал ей операцию и она выжила и после войны долго жила в Минске.
Тетка Марья- это живой свидетель трагедии, она выступала в Минске на судебном процессе над немцами после войны. Вот она и рассказала потом в подробностях о том, что происходило в деревне Тхарница после окружения.
Вначале согнали всех на колхозный двор и усадили на лугу возле речушки. Оттуда уводили по десятке в колхозный сарай и там расстреливали.

Дед и баба были очень набожные, просили: убейте нас здесь на лужайке, но не ведите в сарай, не жгите нас. Дед со скрипкой был, он взял ее с собой на смерть. Ничего не получилось, всех завели по очереди в сарай и расстреляли.
Оказалось, что когда они облили сарай бензином и подожгли его,
там в сарае половина еще живых была, мать была прострелена по животу, она истекала кровью, ползала, просилась и молилась. Сосед , молодой парень был ранен и многие еще живы были. Тетя Марья держала мальчика на руках и когда в них выстрелили из автомата, мальчика убили, а ей пуля попала в голову, и кровью залило лицо. Очнулась она когда сарай горел, а женщина она была сильная, работала в колхозе. Раньше фундаменты в деревнях делали из камней и вот она уперлась ногами в один камень, начала толкать и вытолкнула его наружу. Потом в эту щель вылезла и доползла до ямы, где колхозный погреб был и в эту яму свалилась. Когда сарай горел, было жарко, но терпимо и она вытерпела. А когда уже все сгорело, она потом переползла в куст шиповника, вот там мы ее и нашли. Вот она потом все подробности , все как было в этот день, все рассказала и это ее повествование было очень страшное. Лицо у нее было несколько изуродовано, пуля прошла через лицо и вышла возле виска, затронув нервы. Эта женщина, которая все видела и знала от начала и до конца как все случилось.
А потом мы с отцом вернулись и похоронили в березнике останки тел родных: деда, бабы, матери, Анастасия ее звали, Ивана. Там сделали могилки в березнике.
После всего пережитого пошли с отцом в партизанский отряд, были в разведгруппе майора Казанцева ...».

Матусевич Мария давала показания и присутствовала на судебном процессе после войны. Ее показания есть в архиве КГБ.

Записал А. Павлюкович
(из личного архива)